

Antropov, Nikolaj P.

Наименования радуги как реализация возможностей этнолингвистического притяжения

Etnolingwistyka 23, 195-204

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

II. ROZPRAWY I ANALIZY

Николай П. Антропов
(Минск)

НАИМЕНОВАНИЯ РАДУГИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ПРИТЯЖЕНИЯ

Autor opisuje wybrane nominacje tęczy w językach wschodniosłowiańskich, sytuując je w wielokierunkowych relacjach adideacji etnolingwistycznej (*etnolingwistycznych prityżeń*). *Etymologiczne prityżenie* pojmowane jest jako szczególnie przypadek etymologii ludowej (inaczej: fałszywej), do którego dochodzi przy zestawieniu wyrazów o odmiennej (lub nieprzejrzystej) etymologii. W efekcie prowadzi to do powstania szczególnego typu magii. Najszerszej rozpowszechniona w językach wschodniosłowiańskich nazwa tęczy – *raduga* – wiązana jest: 1) z prasłowiańskim rdzeniem **rad-* ‘radosny, wesoły’ lub 2) z prasłowiańskim rdzeniem *doga ‘łuk’. W artykule opisuje się również kojarzenie *radugi* z polem semantycznym ‘rodzenia’ i ‘kradzieży’. Przeprowadzona przez autora analiza trzech zespołów wschodniosłowiańskich nazw tęczy o rdzeniach *rad-*, *rod-* i *krad-* potwierdza możliwość różnych rozwiązań i decyzji etymologicznych.

Под этнолингвистическим притяжением (аттракцией) предлагается понимать особый случай народной этимологии, а именно взаимное соотнесение некоторых наименований, часть которых в результате такого соотнесения может переходить в сферу вербального кода традиционной культуры того или иного этноса. Подобное народноэтимологическое (иначе – ложноэтимологическое) притяжение обычно неродственных (либо этимологически непрозрачных, изолированных и т.п.) слов и его этнокультурное наполнение, ведущее далее к этимологической магии, на большом славянском материале было рассмотрено более двух десятилетий назад Н. И. и С. М. Толстыми в докладе на X (Софийском) съезде славистов (Толстой, Толстая 1988).¹

¹ Сравнительно недавно С. М. Толстая несколько дополнила и переработала эту статью (см. Толстая 2008).

Подводя итоги скрупулезного анализа необычайно показательного материала, авторы констатировали: „Народная этимология, имеющая весьма ограниченное распространение в языке как таковом, приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии... Благодаря этимологической магии язык оказывается неразрывно связанным с другими компонентами архаических типов культуры и мифопоэтического сознания” (Толстая 2008: 240). При этом „этимологическая магия принципиально допускает множественность этимологических толкований и семантических притяжений слова не только в разных языковых системах (диалектах), но и в пределах одной системы (культурного диалекта) в разных этнолингвистических контекстах” (Толстая 2008: 237). Разумеется, это в первую очередь касается лексем с семантически разветвленными корнями (или потенциально допускающими такую дифференцированность) – типа рассмотренного в цитируемой статье корня *благ-* при таких его реализациях как болг. и макед. *благ* ‘сладкий’, ‘кроткий, мягкий’, ‘скромный’, а также сербск. *благо* ‘деньги, имущество’, ‘скот’ и др. (Толстая 2008: 233–234).

Представляется, что к этому же кругу могут быть отнесены и славянские названия радуги, как известно, исключительно насыщенные в традиционной культуре мифологическим/мифопоэтическим содержанием, и, в частности, наиболее распространенное восточнославянское наименование – собственно *радуга*. Действительно, возможность его неоднозначного этимологического толкования в связи с возможностью различного структурирования слова (*ра-дуга* // *рад-уга*) является здесь предпосылкой для действия этнолингвистической аттракции. Предложенные (начиная с Ф. Миклошича) версии происхождения этого наименования можно свести фактически к двум равнозначным: восточнославянское новообразование (согласно белорусскому этимологическому словарю „усходнеславянскі лакальны тэрмін” – ЭСБМ 11: 31) является а) суффиксальным производным с суффиксом *-qga* от прасл. адъективного корня **rad-* ‘радостный; веселый’²; б) продолжением прасл. корня **dqga* (= *дуга*). В последнем случае, естественно, нуждается в объяснении начальное *ра-*, в котором видели усеченные *ра(ǃ)-*, *ра(ǐ)-* (ср. рус. диал. и укр. *райдуга*), лит. *oras* ‘воздух, небо’, наконец, экспрессивный элемент типа *га(ǐ)-*, *жа(ǐ)-* и т.д.³ Причем и первая, и вторая версии столь же

² Интересно, что Ф. Славский не включил соответствующее **radqga* (либо собственно восточнославянское ⁺*raduga*) в число лексем с этим суффиксом, что, вероятно, должно быть свидетельством поддержки им версии б); подробнее см. (Sławski 1974: 67–68).

³ Последние по времени обзоры версий представлены в (Новое 2003: 190–191; Журавлев 2005: 181–182; ЭССЯ 32: 157–158; ЕСУМ 5: 17; ЭСБМ 11: 31–32). Специально о **rajь* также см. (Страхов 2003: 115).

равнозначно могут быть вторичными как по отношению друг к другу, так и по отношению к возможным иным (о чем ниже), т.е. собственно народноэтимологическими. Естественно, в традиционных культурах восточных славян реализуются обе аттракционные возможности.

Что касается связи с прасл. *dqga, то семантическая двусмысленность лексемы *радуга* снимается, по нашему мнению, прежде всего за счет репликации второго элемента (ср. известные наименования типа рус. диал. *ра́дуга-дугá*, *дугá-ра́дуга*, а также уже однословное *дугора́дуга* и его усеченную форму *дугора́*⁴) или же соединения/слития с названиями *дугá*, спорадически фиксируемыми в говорах восточнославянских языков и восходящими к указанной праславянской форме с „поглощением” им семантически неопределенного начального *ра-*. Семантическая зависимость *радуги* от *дуги* как форме мотивированной и более „старшей” (в этимологическом смысле) представляется очевидной. Соответствующие – и многочисленные – континуанты прасл. *dqga хорошо известны в славянских языках (см., в частности: ЭССЯ 5: 98–99; SP 4: 192–195), что, конечно, не удивляет, поскольку, например, ономаσιологический анализ названий радуги во всех языках Европы и их картографирование в „Лингвистическом атласе Европы” свидетельствуют, что мотивация ‘дуги’ (реализующаяся через широкий ряд денотатов⁵) занимает большую часть европейской языковой территории (Алинеи 1983: 104–108).

„Радостные” мотивы, связанные с *радугой*, известны всем восточнославянским этнокультурам и распространены исключительно широко. Редко, но все же фиксируются формулы с глагольным повтором типа *радуга радует(ся)*, ср. записи из Полесского архива Института славяноведения РАН: „*Мы кажэм, радуха радуеця – и со́нцэ и дож*” (Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.); „*Ра́дуга – лідэ ра́дуецца: пато́па нэ будэ́*” (Сварынь Дрогичинского р-на Брестской обл.). Отмечены и коннотации такого же рода, но уже с прилагательным *весёлый*, с которым в народном сознании устойчиво связываются наименования радуги с корнем *ве-*

⁴ Фактический материал извлечен из следующих источников: Полесский архив; ДАБМ 1; ДАБМ 2; Толстой 1997; Букринская, Кармакова 1995; Страхов 2004).

⁵ Основная тема (внутренняя форма) представлена в них семемой ‘пояс’, которая имеет следующие реализации: «пояс», «ремень» и т.п., «верёвка», «лента», «полотнище», «(круглая) подвязка для чулок»; «нимб»/«корона»; «кольцо», «перстень», «колесо», «круг», «обход»; «меч/шпага», «лук» (оружие); «чепчик»; «контур», «сито»; «рукоятка», «ручка», «палка», «прут», «жезл» и т.п., «коромысло», «изогнутая древесина»; «стул»; «мост», «дверь», «колонна», «арка»; «черта», «след», «линия», «линейка», «знак», «луч»; «растение(-я)» (ALE I). Нельзя не заметить, что абсолютно все эти отдельные мотивы имеют исключительно «материальный» характер, а потому являются первичными в отношении «культурных» номинаций радуги, образованных уже на этой базе или позднее переосмысленных.

сел.⁶: „[Можно ли пройти под радугой?] *Можна. Вес’о́лым бу́де* [тот, кто пройдет]” или „*Веселу́ха стала, бу́де дажш. Вр’о́де красная вес’о́лая, галубая, зел’о́ная...*” (Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.).

Интересно, что едва ли не абсолютно позитивный характер представлений о радуге (во всяком случае, в известных нам источниках – особенно по белорусской традиционной культуре⁷) подтверждают данные ассоциативных словарей. „Русский ассоциативный словарь” приводит следующие, по преимуществу эмотивные, реакции на стимул *радуга*, среди которых преобладают лексемы с корнем *крас-*: *красивая, красива, красивый, красота, красочная, прекрасна, семицветное красотище, солнце, яркая, вещь!, восторг, здорово, ура!!!* (РАС 1: 539). Лишь единичная реакция (из общего количества 104) *неяркая* может быть отнесена (и то с достаточной степенью условности в силу возможной нейтральности) к не вполне позитивной, однако все-таки не отрицательной. Столь же интересен список соответствующих реакций на стимул *вясёлка* ‘радуга’ в белорусском ассоциативном словаре (их количество объективно больше в силу большего количества анкетированных – 1000) с явным перевесом лексем с корнями *прыгож-* и *рад-*: *прыгожая, прыгожа, прыгажосць, краса, сонца, сонца радасці, смех, яркая, захапленне, вясёлы, сонечная, басанож на лужыне, жаданая, жвавая, лібая, прыемна, радавацца, радасная, узрадавацца, цудоўная, ярчайшая*. И также минимально по отношению к общему числу ответов количество не позитивных – всего 5: *невясёлы, непрыкметная, нізкая, нялоўка, расчараванасць* (Цітова 1981: 30). Также весьма показательными являются данные обратной выборки – от реакции к стимулу, ср. в „Русском ассоциативном словаре” ряд стимулов, подсознательно подразумевающих эмоциональную реакцию, на которые был получен ответ *радуга: в беде, надеяться, серость, улыбка, фантазии* (РАС 2: 710). Еще более определенная ментальная связь понятий в паре *радуга – радость* зафиксирована „Славянским ассоциативным словарем”, в котором обобщены данные анкетирования носителей рус-

⁶ Есть весомые основания считать, что эта связь – якобы от чувства удовлетворения древних, дохристианских времен земледельца и пастуха, увидевших радугу, потому что ее появление “предвещает плодородие и предвещает тем самым радость и веселье” согласно реконструкции Н.И. Толстого, обобщившего южнославянские данные (см. Толстой 1997: 179, 212), является, судя по всему, ранней мифопоэтической трансформацией древнеславянской исходной основы **vez-slo/*vez-slo* ‘1. то, что связано, связывает; чем связывается; 2. коромысло’; подробнее см. (Кривіцкі 1995) с позднейшими уточнениями А.Ф. Журавлева (Журавлев 1995: 181) и Л.В. Куркиной (ЭССЯ 32: 157).

⁷ Существуют и иные данные – из Владимирской и Ярославской областей (полевые записи последнего десятилетия), прямо указывающие на отрицательное восприятие радуги, которые предварительно обобщены В.Е. Добровольской (Добровольская 2010).

ского, белорусского, болгарского и украинского языков: реакция *радуга* получена только на стимул *радость* (рус.), *вясёлка* – только на стимулы *вясёлы* и *радасць* (бел.), *райдуга* – только на стимулы *веселий* и *радість* (укр.) (САС: 338, 390, 716).

Все это – даже вне контекста версий, выдвинутых в научной этимологии, – позволяет предположить для восточнославянского *радуга* наличие безусловной и первичной связи с адъективным корнем **rad-*, что, в свою очередь, дает основания для следующих равновероятных выводов:

1. Первотолчком для народно-этимологического переосмысления восточнославянского новообразования *радуга* явилось ослабление в ряде говоров взрывного в суффиксе, приведшее вначале к его „фрикативизации” и появлению форм *ра́дуга*, а затем к естественному переходу $\gamma \rightarrow x$, что привело к возможности нового структурирования появившейся лексемы *ра́дуга* с выделением в ней суффикса *-ух-*, наличие которого в новой форме однозначно перевело лексему в мотивированную и послужило базой для создания новых суффиксальных отадъективных номинаций типа белорусских и полесских *ра́даўка*, *ра́довица*, *ра́давица*, *ра́даўніца*, рус. диал. *ра́дуга*, *ра́душка*, укр. диал. *ра́дусник* и мн. др.⁸ Представляется, что отдаленным, хотя на первый взгляд и парадоксальным, следствием новой (возникшей) суффиксации могла стать также полная редукция суффикса *-ух-* и возникновение форм без него, т.е. семантически максимальных по выражению радости *ра́да*, которые редко, но все-таки фиксируются в говорах всех восточнославянских языков, причем, как установлено диалектологами, „в русских говорах оно отмечается на той же территории, где и сложные названия *рада-дуга*, *дуга-рада*” (Букринская, Кармакова 1995: 96), что, как представляется, может быть свидетельством вторичной мотивировки наименования.⁹

2. Первичной была мотивированная адъективным корнем **rad-* форма *ра́дуга*, фактически сразу после своего появления подвергшаяся мощному влиянию уже имевшихся в восточнославянских говорах лексем, продолжающих прасл. **doga*, что привело и к возникновению новой мотивировки („дуговой”), и к размыву старой („радостной”), а последнее не могло не отразиться на появлении целых цепочек многочисленных производных.

Производными от **rad-* Н. И. Толстой считает также формы с иными суффиксами, в частности, содержащими *i*, а именно зафиксированное в

⁸ По мнению Н. И. Толстого, „полесск. *ра́давица* . . . свидетельствует о том, что от корня **rad-* создавались названия радуги непосредственно без сочетания с другим корнем (**doga* и под.)” (Толстой 1997: 176).

⁹ Иначе Н. И. Толстой: „Более достоверно можно предположить, что форма *радуга* возникла из сочетания типа **дуга́, ра́да дуга́*. . . , которое в скороговорке или в результате гаплоггии дало *дуга́-радуга* и позже просто *радуга*” (Толстой 1997: 198).

Западном Полесье (район Выгоновского озера в Брестской обл.) *rádзіха* (Архив ДАБМ)¹⁰. Однако как раз суффиксальное оформление лексемы *rádзіха* может, как представляется, служить основанием возведения ее к глаголу *радзіць* (< прасл. *rod-). К нему же кажется возможным отнести и зафиксированное сравнительно недалеко от первого наименования (именно в Хатыничях Ганцевичского р-на) уже упомянутое *пара́духа* – „*ра́духа і пара́духа*” в ответе информанта на вопрос о названиях радуги. Безусловно, их связь с *rod- не так очевидна и этимологически гипотетична (в частности, *пара́духа* может быть, естественно, связана с глаголом *пара́давацца* как *ра́духа* с *ра́давацца*), однако вполне возможный акцентологический сдвиг под влиянием известных там же наименований с ударным *a*, т.е. *ра́дуга* и под. (ср. приведенную выше пару *ра́духа* – *пара́духа*) делает ее не невероятной. Подобный ход рассуждений позволяет восстановить исходные *радзіха и **параду́ха*, что, в свою очередь, дает возможность выявить в рассмотренных названиях совершенно обычное в славянских традиционных культурах значение „порождения” радугой дождя¹¹, а с учетом географической близости двух западнополесских населенных пунктов отграничить соответствующий микроареал.

Фонетически (омофонически) близкие наименования радуги *rodica* и его деминутив *rodičica* – первое, естественно, с ударным *o* в корне (в оригинале акцентные знаки отсутствуют) – зафиксированы в середине XIX в. в кайковском говоре окрестностей хорватского города Вараждина (т.е. сравнительно недалеко от нынешней границы со Словенией). Согласно исчерпывающей рецепции хорватско-сербского академического словаря они записаны краеведом М. Валявцем (кстати, словенцем по происхождению) в ряду иных (*puga, dugaća, doga, božji pas, majke božje pas, božji put, zlatni mostek*), а известны с первой трети XVIII в. (1733 и 1746 гг. соответственно) согласно словарю Вл. Мажуранича (Rječnik XIV: 92). П. Скок в своем этимологическом словаре пишет о них: „То značenje (‘радуга’ – Н.А.) nastalo je zbog toga što se zove i *Majke božje pas = bogorodica*” (Skok III: 152), – т. е. предполагает усечение последнего наименования. Эта идея – „остроумная”, по мысли Н.И. Толстого, – им же поддержана и продолжена: „Слово *ródica* ‘радуга’ следует воспринимать, вероятно, как свернутый фразеологизм *pās Bogorodice или

¹⁰ В его статье приводится форма *рад’іха* – в соответствии с опечаткой в материалах ДАБМ 2; так же и *параду́ха* вместо правильного (зафиксированного в архиве) *пара́духа* (Толстой 1977: 177).

¹¹ Интересно, что в упомянутых ассоциативных словарях русского и белорусского языков реакция *дождь / дождж* на стимул *радуга / вясёлка* является одним из лидеров по частоте (в русском на втором месте после *дуга*; в белорусском – на третьем (62 реакции) после 238 *часоціс* („Вясёлка” – название детского журнала) и 63 *рознакаляровая*).

pâs od Bogorodice и т.п.” (Толстой 1997: 185). Учитывая типологическую составляющую, а именно то, что многие („в большинстве случаев” – Алинеи 1983: 105–106) названия радуги являются по происхождению композитами, подобное этимологическое решение следует признать вполне реальным.

Иную версию выдвигает М. Фурлан в словенском этимологическом словаре, предполагая на основании хорв. диал. *rodica* ‘радуга’ (и только его) реальность (однако корректно: „po vsej verjetnosti”) диалектного *o*-коррелята к прасл. *rǎdъ ‘vesel’, т.е. *rodъ (Bezljaj III: 143), что не может не вызвать оправданных сомнений из-за уникальности континуанта.

Поэтому не только не менее вероятным, но и вполне логичным и с формальной, и с семантической сторон представляется также соотнесение хорватских наименований с основными значениями отглагольного имени *rǎdica*, восходящими в конечном итоге к прасл. глагольному корню **rod-*. Если принять такое толкование, то сопоставление восстановленных выше западнополесских *padzixa и *napaduxa с хорватскими *rǎdica* и *rǎdičica* позволяет видеть здесь уникальную белорусско (западнополесско)-хорватскую изолексу типологического характера с аналогичным аттракционным развитием.

Еще более продвинутое действие этнолингвистического притяжения обнаруживается в белгородском (Русская Березовка Ракитянского р-на) *крадѹха* ‘радуга’ (Архив ОЛА), в котором лежащая на поверхности отглагольная производность (< *красть*) вполне может быть аттракционно сопряжена с наименованиями радуги: *крадѹха* < *кǎдѹха* < *рǎдѹха* (< *рǎдѹга*). Совершенно логично, что полевые записи о том, что радуга крадет, ворует людей, особенно детей (в том числе из материнской утробы), отнимает у человека душу, силу и здоровье, девичью красоту, способности (например, голос при пении, умение заговаривать, причитать и т.п.), обнаруживаются также в южнорусских этнокультурных зонах, в частности на Владимирщине и Ярославщине, ср. некоторые нарративы: „Нас радугой пугали. Бабушка говорила: „Не ходи на улицу – радуга украдет”. Мы боялись – вдруг украдет”; „Ой, радуга парней ворует, она молодых парней любит...”; „Радуга – это сейчас стали говорить, а так все ведьмин пояс. Ведьма пояс на небе сушит. Она воду ворует с земли-то и вот когда набирает, пояс мокнет, она его на небе и сушит...” (Добровольская 2010). „Крадущая” радуга является, конечно, частным случаем (семантическим сужением) многочисленных и распространенных исключительно широко¹² представлений о том, что радуга „тянет”: прежде всего, конечно, воду, далее то, что находится в воде, т.е. рыбу, насекомых и под., наконец, даже человека, с чем связано множество

¹² Эти представления (радуга в виде змея высасывает воду) распространены в подавляющем числе традиционных культур человечества (см. Березкин).

поверий о запрете выходить на улицу (в особенности детям), когда на небе радуга.¹³

Рассмотренные выше три сегмента очень небольшого участка восточнославянских наименований радуги с корнями *рад-*, *род-* и *крад-* со всей очевидностью подтверждают возможность отнюдь не обязательно однозначных этимологических решений, если речь идет о лексических элементах базовых терминологических полей традиционной народной культуры. Более того, народная этимология в этнолингвистическом преломлении лишается сомнительного синонима «ложная» и оказывается вполне научной.

Литература

- Алинеи 1983 – Алинеи М. *О названиях радуги в Европе (карта 17 Лингвистического атласа Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1983. М., 1988. С. 104–108.
- Архив ДАБМ – Архив „Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы” (Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси).
- Архив ОЛА – Архив „Общеславянского лингвистического атласа” Российской национальной комиссии ОЛА (Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии наук).
- Белова 2008 – Белова О. В. *Радуга // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4 (Переправа через воду – Сирота)*. М., 2008. С. 386–387.
- Березкин – Березкин Ю. Е. *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог... I. Сверхъестественные объекты, предметы и существа... 41. Радужный змей // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>*.
- Букринская, Кармакова 1995 – Букринская И. А., Кармакова О. Е. *Карта 13. Названия радуги // Восточнославянские изоглоссы*. 1995. М., 1995. С. 93–100.
- ДАБМ 1 – *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*. Карта № 312. *Назвы вясёлкі*. Минск, 1963.
- ДАБМ 2 – *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*. Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы, каментары да карт. Карта № 312. *Назвы вясёлкі*. Минск, 1963. С. 901–902.
- Добровольская В. Е. *Богородицыно коромысло, божий мост, ангелова дуга, николин подарочек или чертово коромысло, ведьмин пояс, градовая дуга, русалий подарочек: к вопросу об амбивалентной природе радуги в Центральной России (в печати)*. Пользуясь случаем, благодарю Варвару Евгеньевну за любезное разрешение ознакомиться со статьей в рукописи.
- ЕСУМ – *Этимологічний словник української мови*. Том 1. Київ, 1982–...
- Журавлев 2005 – Журавлев А. Ф. *Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»*. М., 2005. 1004 с.

¹³ Славянский материал такого рода подробно описан (Белова 2008).

- Крыўіцкі 1995 – Крыўіцкі А. *Беларускае вясёлка і македонскае појас: родныя ці сваякі?* // Македонски јазик. Година XL–XLI: 1989–1990. Скопје, 1995. С. 291–300.
- Новое 2003 – *Новое в русской этимологии*. 1. М., 2003. 280 с.
- Полесский архив – *Полесский архив* (Институт славяноведения Российской Академии наук).
- РАС 1 – *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. I. *От стимула к реакции*: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. 781 с.
- РАС 2 – *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. II. *От реакции к стимулу*: Более 100000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. 990 с.
- САС – *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский* / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 729 с.
- Страхов 2003 – Страхов А. Б. *Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян* // *Palaeoslavica XI. Supplementum 1*. Cambridge – Massachusetts, 2003. 380 p.
- Страхов 2003 – Страхов А. Б. *Полесские фольклорно-этнографические материалы в современных записях: 1. Астрономия и метеорология* // *Palaeoslavica / International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Volume XII, no. 2. Cambridge-Massachusetts, 2004. С. 272–275.
- Толстая 2008 – Толстая С. М. *Народная этимология и этимологическая магия* // Толстая С. М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. М., 2008. С. 226–240.
- Толстой 1997 – Толстой Н. И. *Из географии славянских слов. 8. 'Радуга'* // Толстой Н. И. *Избранные труды*, том I. *Славянская лексикология и семасиология*. М., 1997. С. 168–216 (первая публикация в 1976 г.).
- Толстой, Толстая 1988 – Толстой Н. И., Толстая С. М. *Народная этимология и структура славянского ритуального текста* // *Славянское языкознание. X Международньй съезд славистов*: Сб. докладов / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1988. С. 250–264.
- Цітова 1981 – Цітова А. І. *Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы*. Мінск, 1981. 144 с.
- ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1. Мінск, 1978–. . .
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1. М., 1974–. . .
- ALE I – *Atlas linguarum Europea (ALE)*, volume I – cartes, premier fascicule. Assen, 1983. Carte I.7 (Arc-en-ciel), Légende.
- Bezljaj – Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. I–IV. Ljubljana, 1977–2005.
- Rječnik– *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Т. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Sławski 1974 – Sławski F. *Zarys słowotwórstwa prastowiańskiego* // *Słownik prastowiański*. Tom 1. Wrocław etc., 1974. S. 43–141.
- Skok – Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- SP – *Słownik prastowiański*. Tom 1. Wrocław etc., 1974–. . .

THE NAMES OF THE RAINBOW AS A REALIZATION OF THE POSSIBILITIES
OF ETHNOLINGUISTIC ADIDEATION

The author describes selected nominations of the rainbow in East-Slavic languages, situating them in multidimensional relations of ethnolinguistic adideation (*ètnolingvističeskoe prityaženye*). *Ètnolingvističeskoe prityaženye* is understood as a special case of folk (or false) etymology, which emerges when words of different (or opaque) etymologies are juxtaposed. As a result, a special kind of magic is activated. The most common East-Slavic name of the rainbow, *raduga*, is connected with (1) the Proto-Slavic root **rad-* 'joyful, merry', or (2) the Proto-Slavic root **doga* 'arch'. The article is also concerned with the associations between *raduga* and the semantic fields of 'giving birth' and 'stealing'. An analysis of three East-Slavic names of the rainbow *rad-*, *rod-* and *krad-*, confirms the possibility of various etymological solutions.